

ПОЭТ Андрей Вознесенский в последние время много пишет и говорит о своей давней, самозабвенной, жертвенной, даже на грани большого риска, почти героической любви к Борису Пастернаку. Вот и на страницах «Недели» (№ 3, 1988 г.) он известил нас, что 30 июня 1987 года ради участия в Пастернаковских чтениях в Москве он пожертвовал своим творческим вечером в Роттердаме.

Открывая чтения, сорбщает далее А. Вознесенский, «я прочитал стихи, написанные после его похорон. В тягостной атмосфере антипастернаковских гонений похоронного лета мне все же удалось напечатать в газете «Литература и жизнь» стихи под названием «Кроны и корни» с подзаголовком «Памяти Толстого». Натяжка была невелика — путь и дух Толстого были ему близки».

Вот какая ужасающая обстановка царил в стране при Хрущеве, вот как пришлось ловчить да изощряться честным и благородным людям, чтобы выразить свои благородные чувства, в том числе любовь к Пастернаку! Возможно, что за такое ловкое мужество участники чтений вознаградили автора аплодисментами.

Однако надо заметить, что А. Вознесенский, к сожалению, не совсем точен. Во-первых, стихи «Кроны и корни» появились в газете не в «похоронное лето» (Б. Л. Пастернака хоронили 2 июня 1960 года), а 20 ноября, то есть в самом конце осени. Во-вторых, тогда, спустя полгода после смерти поэта, «тягостной атмосферы антипастернаковских гонений» А. Вознесенский ощутил на себе не мог, ибо обстановка все-таки изменилась, о чем свидетельствуют такие, например, факты: в издательстве «Художественная литература» именно в это время готовилась к выпуску книга Пастернака «Стихотворения и поэмы», которая через несколько месяцев, в 1961 году, и вышла; а сам Вознесенский еще раньше, именно в то «похоронное лето», издал вторую книгу, где были, в частности, такие объявления: «Все дышит волей без границ», и поэт хлопотал о вступлении в Союз писателей, в чем вполне преуспел. Поэтому, в-третьих, несколько странно звучат слова «мне все же удалось напечатать» — можно подумать, что при этом автор ододел невероятные преграды, чем-то жертвовал, рисковал.

Номер от 20 ноября 1960 года газеты «Литература и жизнь» (на ее основе создан еженедельник «Литературная Россия») был целиком посвящен Льву Толстому, 50-й годовщине со дня его смерти. Там напечатаны материалы, принадлежавшие перу А. И. Куприна, тогда еще здравствовавших А. Б. Гольденвейзера, Ольги Форш, Алисы Коонен, Ефима Пермитина, Льва Никулина, Виктора Шкловского, Дмитрия Благого... Всего около тридцати авторов, ныне, увы, в большинстве своем уже ушедших из жизни. И почему бы в таком номере газеты не напечатать скорбные стихи молодого, только что

принятого в Союз писателей поэта, именно годовщине смерти Толстого, как все считали, и посвященные? Легко допустить, что Вознесенского попросили написать стихи специально для этого номера. И они ни у кого не вызвали сомнения.

Действительно, с первых же строк все в них воспринималось как благоговейная скорбная дань памяти именно Толстого:

Несли — не хоронить,
Несли — короновать..

При последнем слове, естественно, нельзя было не вспомнить, что при жизни великого писателя говаривали: «В России два царя: один — в Зимнем дворце, другой — в Ясной Поляне». А советского поэта Пастернака царем, помнится, никто не называл, и коронация кого бы то ни было (кроме разве чемпиона мира по шахматам) в 1960 году выглядела бы более чем странно.

СКОРБЬ Б/У, или Игра при свечах

Дымься локомотивом,
Художник жил — лохмат...

Тут, конечно, всплывали в сознании читателя и знаменитая борода Толстого, которая могла именно «дымиться», и его лохматые брови, да и слово «локомотив» свидетельствовало скорее о прошлом, чем о наших днях.

Ему лампы были
Божественней лампад!

Здесь слышались и мотив широко известной любви Льва Николаевича к физической работе, и даже мотив его столь же широко известных антицерковных взглядов. А о какой лампаде могла идти речь в применении к Пастернаку?

Далее в стихах дважды упоминалось об «уходе» да еще о «побеге» — уж одного этого было бы достаточно, чтобы вызвать в памяти образ именно Толстого. А Пастернак, как известно, никуда не уходил и не убежал. Знатоки биографии классика могли отметить и такую деталь:

Художники уходят —
Без шапок...

В ночь ухода Толстой действительно потерял шапку в усадебных кустах и долго искал ее. Да еще в стихотворении упоминалось о «полянах», кто же при этом не вспомнил бы Ясную Поляну! Наконец, в последнем четверостишье говорилось:

Леса роняют кроны.

Но ведь это происходит именно осенью, когда хоронили Толстого, а не в начале лета, когда хоронили Пастернака.

Нет ничего удивительного, коли при таких-то обстоятельствах за долгие годы и десятилетия, минувшие со времени публикации стихотворения, ни одна живая душа не догадалась, что автор, оказывается, скорбел здесь не о Толстом, а о Пастернаке, причем сей акт столь тщательно замаскированного мужества грозил ему, надо понимать, великой опасностью. Не догадались даже те, кому Вознесенский так щедро посвящал свои стихи, а из них — что особенно изумляло — даже свой брат стихотворец! Ни Евтушенко и Боков, ни Солоухин и Ахмадулина, ни Дементьев и Вегин... Даже Вегин не догадался!

Вероятно, такой всеобщей несообразительностью поэт был сильно раздосадован и огорчен: ведь этак может случиться, что вообще никто никогда не поймет и не оценит его бесстрашного поступка! И вот, безрезультатно прождав почти четверть века, Вознесенский решил наконец под-

не объявить, что ваши неоднократно изданные стихи посвящены, например, не Гуттузо, а Карузо, не Гамзатову, а Арбатову, не Виктору Шкловскому, а Якову Козловскому?.. Можете ли вы представить себе, чтобы Толстой в свое время вдруг заявил, что в повести «Хаджи-Мурат» имел в виду вовсе не Хаджи-Мурата, а кого-то другого? Мыслимо ли вообразить, чтобы Пастернак, посвятивший одну свою книгу памяти Лермонтова, отрекся бы от этого? Или уж и впрямь —

Нам, как аппендицит,
Поудалили стыд».

Заметив однажды, что на похоронах Пастернака «так печально мало было писателей», А. Вознесенский сокрушался: «Увы, это был пример бытовавшего тогда двоедущия, «двойного счета», когда иные восторженно шептались о поэте дома (шептались! — В. Б.), но клеймили его с трибуны и не решились даже проститься». В самом деле, факты такого двоедущия, к сожалению, имели место не только в проклинаемые застойные годы, но и в либеральную пору Хрущева. Об одном из таких фактов вспоминала когда-то дочь Марины Цветаевой — Ариадна Сергеевна:

«Было это в пятьдесят седьмом году в Переделкино.

Помню так. В столовой — огромный — елка. За огромным столом — Борис, его жена Зинаида Николаевна, Ахматова, артист Ливанов, Федин, Нейгаузы, какой-то начинающий поэт Андрияш... Пилю, ели, развеселились все. Потом Пастернак читал свои стихи, Анна Андреевна хвалила его... начинающий Андрияш глядел всем по очереди в рот. К слову сказать... этот Андрияш писал под Пастернака. Борис не замечал заимствования, наставлял Андрияша, а когда умер, улыбочливый Андрияш не отважился даже пойти провозгласить своего наставника и учителя — оторопь взяла...» (С. Грибанов. «Тайна одной инверсии». М., Воениздат, 1985, стр. 63).

Можно только гадать, кто этот Андрияш и что конкретно имела в виду Ариадна Сергеевна, когда говорила о проводах — следование в толпе за гробом, панихиду или участие в поминках на пастернаковской даче. Впрочем, это не так уж существенно. Что же касается А. Вознесенского, то он пишет, что на похоронах был, но прямо признается: хотя, мол, в течение четырнадцати лет виделся с Пастернаком «порой еженедельно», однако от поминок отказался. У него и довод очень веский, даже возвышенный: «На дачу я не вернулся. Его там не было». Да, покойники, к сожалению, как правило, не присутствуют на своих поминках. Похоже, молодой поэт узнал об этом тогда впервые. И не было бы странным, если прямо с похорон Пастернака он поехал бы на Толстовские чтения в Ясную Поляну...

Статья в «Неделе» повстанет еще и о том, как уже сейчас, в нынешние дни, на могилу Пастернака принесли венок с надписью на красной ленте: «Б. Л. Пастернаку от Союза писателей», а он, Вознесенский, возжег у могилы свечу, назвав ее «героической». Все очень хорошо, если бы не одно-единственное сомнение: откуда свеча-то? Не была ли она уже в употреблении?

Владимир БУШИН